

Санкт-Петербургская православная духовная академия

Архив журнала «Христианское чтение»

Первый век христианства в писаниях мужей апостольских

Опубликовано:

Христианское чтение. 1868. № 4. С. 492-517.

© Сканирование и создание электронного варианта:

Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбПДА

Санкт-Петербург

2010

ПЕРВЫЙ ВѢКЪ ХРИСТИАНСТВА

ВЪ ПИСАНИЯХЪ МУЖЕЙ АПОСТОЛЬСКИХЪ.

I.

Между тѣмъ какъ христіанство и церковь остаются неизмѣнными, духъ отрицанія измѣняется и превращается непрестанно. Въ существѣ дѣла онъ возобновляетъ все тѣ же нападки, но въ разныя времена онъ выбираетъ для борьбы разную почву, различное оружіе и какой-нибудь отдельный пунктъ, противъ которого и направляетъ свои усиленія. Все искусство софистовъ состоитъ въ томъ, чтобы дать своимъ возраженіямъ одежду, которая бы имѣла видъ новой и которая бы завлѣдала вниманіемъ вѣка, примѣняясь къ его вкусамъ и кругу господствующихъ въ немъ понятій. Настоящіе Протеи, они хвалятся тѣмъ, что избѣгаютъ діалектическихъ тонкостей, стараясь скрыть, подъ новыми формами неизѣлимую дряхлость заблужденія. Въ продолженіе послѣдняго вѣка этотъ духъ оппозиціи нападалъ, преимущественно на догматъ, на богослуженіе, на таинства и на дисциплину церкви. Въ настоящее время онъ направляется преимущественно на историческіе факты, на которыхъ поконится зданіе нашихъ вѣрованій. Недавно формою его была гордая философія, которой несостоительность равнялась ея дерзости и которая вооб-

ражала, быть можетъ чистосердечно, что довольно сарказмовъ или краснорѣчія нѣсколькихъ геніальныхъ людей, чтобы испровернуть древнюю институцію осьмнадцати вѣковъ, всегда торжествующую надъ своими врагами. Въ настоящее время его формулу составляетъ знаніе можетъ быть менѣе надменное, но равно увѣренное въ своихъ силахъ, которое, подъ именемъ критики, разставляетъ съ хвастливымъ самодовольствомъ аппаратъ свой эрудиціи, налагаетъ смѣлую руку на самыя священные преданія и воображаетъ, что оно совершенно разрушило историческое основаніе откровенія. Сохраняя вѣшній видъуваженія къ христіанскому откровенію, раціоналистическая критика испровергаетъ факты, на которыхъ оно основывается, только для того, чтобы послужить высшимъ интересамъ знанія и поддержать неизмѣнныя права разума. Главную аксіому ея системы составляетъ то, что сверхъестественное не существуетъ. Она ставить этотъ принципъ, не стараясь или опасаясь его доказывать; по ея убѣженію довольно заявить его, чтобы выразить неумолимую очевидность. Если сверхъестественное невозможно, то вся проблема знанія сводится къ тому, чтобы утвердить решительное согласіе между фактами и правомъ и исключить изъ лѣтописей человѣчества то, что очевидность принципа изгнала изъ человѣческаго разума. Съ этихъ поръ уже дѣло философіи, экзегетики и исторіи покончить споръ. На этомъ принципѣ богословъ критицизма утверждается, какъ на собственной и естественной почвѣ; изъ него онъ почерпаетъ всѣ ресурсы своей діалектики, чтобы наклонить факты къ требованіямъ начала отрицанія.

Впрочемъ мы не будемъ несправедливы къ раціона-

листической критикѣ. Она отличается отъ безрелигіозности послѣдняго вѣка свойствами, которыя дѣлаютъ ей честь и, въ то же время, на защитниковъ церковнаго преданія налагають обязанность опровергать ее со-ответственнымъ оружіемъ. Не малая выгода ужъ то, что мы видимъ, какъ разсѣялось это грубое и слѣпое нечестіе, которое напускалось на христіанство съ такимъ невѣроятнымъ остерьвененіемъ, пристрастное ко всему и единственно предзанятое тѣмъ, чтобы уронить и разрушить церковь. Въ странѣ, где мы ищемъ нашихъ противниковъ, въ настоящее время стыдятся прибѣгать къ этому старому арсеналу оскорблений, софизмовъ и клеветъ, которыя составляли нѣкогда главный ресурсъ антирелигіозныхъ школъ. И если откровенная истина подвергается еще спорамъ, нападеніямъ, то по-крайней мѣрѣ тѣ, которые отвергаютъ ее, не отказываются признать ни нравственной красоты христіанства, ни величія его подвижниковъ, ни его цивилизующаго дѣйствія. Это уже прогрессъ, съ которымъ можно поздравить наше время точно также, какъ съ надеждою увидѣть, что отличнѣйшіе умы будутъ ютиться все болѣе и болѣе къ церкви.

Но самая эта перемѣна въ направленіи религіозной критики придаетъ спору болѣе энергіи и устойчивости, потому что изъ области отвлеченнай онъ перешелъ въ область фактовъ. Впрочемъ, если рационалистическая критика покончила, къ части своей, съ полемическими привычками своихъ предшественниковъ, она отъ этого не стала меныше опасна. Уваженіе, которое она, по-видимому, показываетъ къ христіанской вѣрѣ и церкви, не препятствуетъ ей возвращаться къ прежнимъ основаніямъ, отвергать a priori всякое откровенное ученіе

и оспаривать древность, происхождение, смыслъ, важность каждого христіанского памятника. По системѣ Штрауса, напримѣръ, и германскихъ рационалистовъ, наши священные книги суть не больше, какъ миоы, символы, легенды, философические или религіозные романы, изобрѣтенные обманщиками или порожденные поэтическимъ воображеніемъ народовъ, испорченные интерполаторами или неразумными и неискусными — переписчиками, изъ числа коихъ одни были обманщики, другіе обманутые, тѣ и другіе — жертвы лжи и обольщенія. Присоедините къ этому смѣлость утвержденій, тяжеловѣсность обширной эрудиціи, обаяніе новости, приманку легкаго натурализма, и вы поймете, отчего подобные нападки — такъ легко увлекаютъ умы и на-водятъ страхъ на нѣкоторыя робкія души, что рушится и падаетъ вся религіозная достовѣрность. Этотъ но-вый аппаратъ не имѣть, однакожъ, ничего, что должно бы пугать вѣру твердо поставленную. Важно только то, что измѣняются отношенія между спорящими, что церковная наука направляется противъ своихъ про-тивниковъ оружіе, которымъ они пользуются противъ него, и такъ какъ они прибѣгаютъ къ исторіи, то и она также пользуется исторіей, противопоставляя факты теоріямъ, положительныя доказательства смѣлымъ догадкамъ, серьезныя умозаключенія произвольнымъ увѣреніямъ. Такъ какъ христіанство, сверхъ того, имѣть своимъ основаніемъ и точкою отправленія историческіе факты, то защитники его не могутъ ничего сдѣлать лучше, какъ ориентироваться и оправдывать споръ на почвѣ исторіи. Такова задача нашего времени. Вотъ почему занятіе христіанскими древностями въ наше время болѣе въ чести, чѣмъ когда нибудь. Въ виду при-

тязаній раціоналістичної критики ученые защитники христіанства видятъ необходимость обратиться къ самыи его источникамъ, изучить ихъ, подвергать новому и тщательному анализу всѣ первоначальные памятники. Въ частности нельзя обработать библейской экзегетики съ большимъ блескомъ и большою глубиною, какъ это сдѣлали особенно въ Германіи Толуккъ, Штаудемайеръ, Мелеръ, Сеппъ. Но споръ начался главнымъ образомъ объ основаніяхъ церкви. Наставленія апостоловъ и ихъ непосредственныхъ преемниковъ, организация, дисциплина, нравственные правила первоначальной церкви, вотъ что упорно просыпаются со всѣхъ сторонъ. Здѣсь—капитальный пунктъ борьбы. Поэтому существенная задача церковной науки состоять въ томъ, чтобы доказать исторически, что церковь существовала съ первого вѣка съ тѣмъ основнымъ характеромъ, съ какимъ мы видимъ ее въ настоящее время.

II.

Многіе думаютъ ошибочно, что исторія христіанства не представляетъ эпохи, подобной эпохѣ великой борьбы съ язычествомъ и торжества, которое увѣничало эту борьбу. Нѣтъ сомнѣнія, что церковь пережила въ это время двѣ самыя блестящія фазы и потому не удивительно, что самое большое число умовъ занимаются предпочтительно этой эпохой. Но какъ бы ни было велико обаяніе, заинтересовывающее въ пользу такого занятія, мы однако же осмѣливаемся думать, что углубленіе въ исторію первыхъ временъ церкви заключаетъ въ себѣ не меныше интереса и следовательно дастъ не меныше плода. Мы думаемъ, что изученіе христіанства

въ самомъ его основаніи и историческомъ происхождѣніи не оставить мѣста никакому сомнѣнію въ божественности его начала. Кромѣ того едва ли можно составить полное и правильное понятіе о христіанской Церкви, не слѣдя за ея прогрессомъ, не изучая того, чѣмъ она была съ самого начала, какія препятствія противополагались ея распространенію, какими средствами она восторжествовала надъ ними, какъ она достигла до того, что преобразовала вдругъ понятія, нравы и характеры.

Нельзя отрицать, что изъ всѣхъ христіанскихъ вѣковъ, первый прошелъ чрезъ такія важныя и трудныя испытанія, которыя рѣшительно свидѣтельствовали о сверхъ-человѣческой силѣ, подкрѣпившей церковь Іисуса Христа. Можетъ быть, возразятъ намъ, что эти испытанія не такъ очевидны; первыя усилія, которыя дѣлало христіанство, довольно легки; историческіе памятники едва позволяютъ найти въ нихъ порядокъ и опредѣлить ихъ природу. На это отвѣтимъ, что отъ первыхъ вѣковъ мы имѣемъ писанія, которыя намъ остали отцы апостольскіе, эти славные преемники первыхъ учениковъ Іисуса Христа, о которыхъ справедливо можно сказать, что они имѣли въ устахъ еще слова апостоловъ и жизнь ихъ предъ глазами. По какому-то странному противорѣчію предполагаютъ трудности и недостатокъ интереса въ изученіи зачатковъ церкви и пренебрегаютъ памятниками, которые всего лучше объясняютъ религіозную исторію этой эпохи. Мы не противъ великихъ авторитетовъ Златоуста, Василія великаго, Григорія Назіанзина: но почему же меньше авторитета имѣютъ писанія Варнавы, Клиmentа, Поликарпа или Игнатія? Если хотять дойти до серьёз-

наго познанія самыхъ зачатковъ христіанства, то нужно искать его въ писаніяхъ именно этихъ отцовъ, потому что они представляютъ собою истинные памятники христіанской мысли въ самое первые времена церкви. Мы не будемъ, говорить здѣсь о литературныхъ красотахъ этихъ писаній, но только, съ исторической точки зре-вія, оцѣнимъ несравненное достоинство этихъ твореній. Мы увидимъ, какъ легко слѣдить за ходомъ христіанства, изучая послѣдовательно развообразныя писанія отцовъ апостольскихъ. Увидимъ, какъ церковь боролась противъ всякихъ измѣненій въ ученіи, стараясь сохранить вѣрность наставлениямъ Учителя. Ея дивная организація обнаружится передъ нашими глазами въ своихъ основныхъ чертахъ. Наконецъ мы будемъ свидѣтелями вступленія новыхъ началъ христіанской нравственности въ среду исторического міра и будемъ наблюдать съ удивлениемъ, какъ преобразовались нравы, какъ измѣнялись и возвышались характеры.

Въ этомъ очеркѣ мы начнемъ анализомъ посланія святаго Варнавы, старшаго по времени. Христіанство только еще зарождалось и еще раздавался голосъ апостольскій, когда явилось это посланіе. Нельзя лучше изобразить віянія новаго ученія. Оно еще не возбудило большаго шума во вѣтѣ, не подняло ужасовъ въ древнемъ мірѣ, не вооружило руку гонителей. Однакожъ явилось уже препятствіе на его пути, незначительное по видимому, но въ сущности способное уничтожить великую будущность человѣческой религії. Странная судьба націй. Тотъ же народъ, который долженъ быть доставить христіанству его первыхъ учениковъ, долженъ быть также возбудить противъ него и его первыхъ враговъ. И церкви суждено было поль-

зоваться ётимъ народомъ, какъ орудіемъ, и въ то же время безпрестанно отражать его. Въ самомъ дѣлѣ первая опасность, грозившая христіанству, идетъ отъ іудеевъ и даже не отъ іудеевъ враждебныхъ пришествію Христа, но отъ тѣхъ, которые всего больше склонялись къ Божественнымъ наставлениямъ. Эта оппозиція покажется необъяснимою, если не войти въ самое основаніе расположений іудейской націи. Дѣлѣ везикія черты изъясняютъ, въ одно и тоже время, странную превратность судьбы іудейского народа и сознательное противленіе его христіанской вѣрѣ. Эти черты—упорство и плотскій смыслъ. Въ самомъ дѣлѣ въ этомъ весь израиль. Если съ одной стороны его неодолимое упорство и сила его предразсудковъ дѣлаютъ его способнымъ къ сохраненію буквы мессіянскихъ пророчествъ и охранителемъ его отъ идолопоклонническихъ обольщений восточного міра, то съ другой стороны его ограниченный умъ, его грубый склонности накаляютъ его къ тому, чтобы не чувствительно измѣнить идею, которая ему ввѣренна и чтобы видѣть въ христіанствѣ только политическую реставрацію и материальное возведеніе іудейства. Только этимъ можно изъяснить, какимъ образомъ первымъ предпріятіемъ обращенныхъ іудеевъ было связать съ христіанской вѣрой Моисеевы заповѣди, считаемыя за обязательныя и почему они упорно старались заключить церковь въ тѣсныя предѣлы секты или национальной церкви.

Подобныя тенденціи создали большую опасность для рождающегося христіанства. Свягой Варнава даетъ вамъ чувствовать всю важность ея, употребляя для отраженія ея всѣ ресурсы своего ученія и весь авторитетъ своего апостольскаго служенія. Въ самомъ дѣлѣ легко

понять, что обращенные іудеи, требуя отъ язычниковъ соблюденія Моисеева обряда, какъ необходимаго условія для спасенія, стремились ни больше ни меньше, какъ къ тому, чтобы уничтожить распространеніе христианства и отнимали у него самое существенное его свойство, его всеобщность. Между тѣмъ религія, будь она человѣческаго происхожденія, могла ли противостоять столь смыслимъ притязаніямъ, каковы были притязанія этихъ первыхъ ся учениковъ? Не преклонилась ли бы она предъ ихъ требованіями, довольствуясь тѣмъ, что она приближается къ духу націи или дѣлается помощницею правительства? Многіе примѣры уполномочиваютъ насъ отвѣтить на эти вопросы утвердительно. Но Христосъ пришолъ возвѣстить истину и эта истина должна распространиться на всю вселенную и открыться всѣмъ народамъ. Церковь поняла это съ самого начала и всегда держится убѣжденія, что она побѣдитъ міръ. Поэтому нечemu удивляться, что уже апостолы не задумались осудить на іерусалимскомъ соборѣ ереси іудействующихъ. Определеніе, положенное этимъ августейшимъ собраніемъ, свидѣтельствуетъ о крайней осторожности въ отношеніи къ христіанамъ изъ іудеевъ, но тѣмъ не менѣе оно прямо противно ихъ притязаніямъ. Замѣтимъ мимоходомъ, что решеніе этого первого собора имѣть чрезвычайную важность, какъ бы ни относилась къ нему съ своими смыслами гипотезами и умозаключеніями новая раціоналистическая критика. — Она старается опровергнуть действительность этого определенія, не опровергая его никакимъ решительнымъ доводомъ; и, чтобы она ни возражала противъ него, оно однакожъ съ полной силой доказываетъ, къ неудоволѣствію тюбингенской школы, что

между апостолами никогда не было никакого антагонизма принциповъ и что если между Петромъ и Павломъ возникло въкоторое разногласіе о вопросѣ чисто дисциплинарномъ, то это разногласіе имѣло въ то же время мало силы, и продолжалось весьма недолго. Въ самомъ дѣлѣ доктрина іудействующихъ христіанъ никогда не преобладала въ церкви, какъ въ этомъ увѣряетъ тюбенгенская школа, по была доктриною партіи, согласимся даже, что партіи влиятельной, къ которой естественно было бы отнести съ благоразумной синхронитостію; но тѣмъ не менѣе іерусалимская церковь, имѣя въ своей главѣ апостоловъ и повинуясь мысли Христа, не признала ее гласно, не опасаясь тѣмъ уменьшить еще незначительное число первыхъ обращенныхъ. Этому факту недають довольно значенія, хотя онъ весьма ясно показываетъ, что апостолы не отказывались никогда отъ крайней, неумолимой строгости, когда дѣло шло объ осужденіи какой нибудь религіозной новизны. Въ виду столькихъ анаѳемъ, направленныхъ противъ тѣхъ, которые отказывались вѣровать или измѣняли вѣрованіе, трудно доказать, съ какою нибудь видимостію истины, что Іисусъ Христосъ не оставилъ никакого известнаго, опредѣленного ученія. Откройте писанія апостоловъ и вы въ ту же минуту увидите, что они требуютъ безусловнаго подчиненія Евангелію, какъ установленному ученію, возобновляя или исполняя приказаніе учителя: Идите проповѣдуйте Евангеліе всей твари. Кто увѣруетъ и крестится, спасеніе будетъ, а кто не увѣруетъ осужденъ будетъ. Достаточно повторить известныя сильныя выраженія апостола Павла къ Галатамъ (1. 16): когда мы вамъ проповѣдуемъ и если ангелъ съ неба будетъ проповѣдывать иначе, да бу-

деть анаема; и ато слово апостола Іоанна: всякий пре-
ступающій ученіе Христово и непребывающій въ немъ
не имѣтъ Бога. Кто приходитъ къ вамъ и не припо-
ситъ сего ученія, того не принимайте въ домъ и не
привѣтствуйте его. (2 Іоанна, 9—10). Такія заповѣди
и такія угрозы составляютъ совершиенную 'противопо-
ложность съ тѣмъ отсутствіемъ твердаго и опредѣлен-
наго ученія, которое поставлено отличительнымъ при-
знакомъ послѣдователей Христа и христіанской церкви.

Какъ бы то ни было, но святаго Варнаву не удержи-
ваетъ, какъ не стѣсняла и апостоловъ. боязнь помѣ-
шать дѣлу церкви, если онъ выступить слишкомъ стро-
гимъ бойцемъ православія. Будущность церкви не без-
покоила тѣхъ, которые полагали ея основаніе, и по-
нимали ея высокое предназначеніе. Ничто не могло ни
удержать, ни устрашить ихъ ревности. Языкъ посла-
нія святаго Варнавы, есть языкъ человѣка, котораго
вѣрованія и надежды равно основываются на словѣ Бо-
жіемъ. Какая вѣрность взгляда, какая полнота, какая
подробность какої авторитетъ ученія, какая совершен-
ная сообразность съ наставленіями Христа и апосто-
ловъ! Матеріалистическимъ тенденціямъ іудействующихъ
христіанъ и рабству ихъ передъ буквой. Варнава про-
тивопоставляетъ самый чистый спиритуализмъ. Чтобы
вѣриѣ испровергнуть ихъ заблужденіе, онъ пользуется
аллегорическими изъясненіями, какія были въ обычай
у іудеевъ и преимущественно этимъ путемъ доходить
до заключенія, что Моисеевъ законъ и весь ветхій за-
вѣтъ имѣть смыслъ и значеніе только по отношенію
къ Новому Завѣту, котораго онъ былъ образомъ и ко-
торымъ онъ и отмѣненъ.

Тѣмъ не менѣе, однакожъ, нельзя не примѣтить ру-

ки Божией, руководящей свою церковь съ самаго ~~я~~ начала. Въ самомъ дѣлѣ человѣческая ли мудрость внушила Варнавѣ бороться противъ іудействующихъ христианъ съ такою энергіею, съ опасностію отнять у новой вѣры столь многочисленныхъ учениковъ? Почему онъ не вступилъ въ сдѣлку съ нимп? Подозрѣвалъ ли этотъ апостолъ, что какъ только онъ допустить хоть малую терпимость въ отношеніи къ раждающейся ереси, она не преминеть разростись и погасить успѣхи христіанства? Справедливость вынуждаетъ приписать Самому Божественному Основателю церкви источникъ этой ревности, которая, по человѣческимъ соображеніямъ, и расчетамъ кажется столь неблагоразумною. Мудрость Божественного Начальника новаго учрежденія на землѣ не могла не предвидѣть ни тѣхъ враждебныхъ попытокъ, какія будуть направлены на церковь, ни тѣхъ величайшихъ и многочисленныхъ послѣствій, которыхъ происходятъ первѣко изъ самыхъ малыхъ заблуждений.

Такъ, дѣйствительно и было съ іудействующими христианами. Эта секта, сначала не большая, произвела скоро другія, которыхъ вслѣдъ за христіанствомъ, распространились въ разныхъ странахъ. Такъ сектанты, известные подъ именемъ евіонитовъ, происходятъ, по-видимому, прямо отъ іудействующихъ христіанъ; они утвердились преимущественно въ малой Азіи, Колоссѣ, Ефесѣ и въ Галатіи. Іудействующіе христіане, желая примирить, съ божественнымъ посланичествомъ Христа, сѣвшую привязанность къ національнымъ предразсудкамъ, начали тѣмъ, что связали законъ Моисеевъ съ заповѣдями Евангелія. Евіониты, удерживая наблюденіе іудейскихъ обрядовъ, тотчасъ определили — превзошли ихъ. Божество Иисуса Христа для нихъ не было уже

священнымъ: они отвергли его, смотря на Спасителя, какъ на простаго человѣка, рожденаго отъ Маріи и Іосифа. Такимъ образомъ новая ересь, болѣе опасная нежели предшествующая, угрожала церкви.

Посланія, писанныя святымъ Игнатіемъ къ различнымъ обществамъ христіанскимъ, въ продолженіи его суроваго путешествія пе Азіи, показываютъ намъ, съ какою силою и какою ревностію первые епископы старались ниспровергнуть ее, противопоставляя всегда еретикамъ слово Христа или ученіе апостоловъ. Это именно методъ всѣхъ полемистовъ первого вѣка, и въ самомъ дѣлѣ, эта крайняя заботливость, которую привносятъ всѣ первые проповѣдники вѣры, чтобы сообразоваться съ словомъ Христа и апостоловъ, своихъ предшественниковъ и наставниковъ, поразительна. Такъ образовалась эта сильная цѣль преданія, которой связности не могли разорвать самыя энергическіе нападки. Но прежде, чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію главныхъ наставленій, которыхъ мы можемъ извлечь изъ посланій святаго Игнатія, нужно упомянуть еще о некоторыхъ другихъ заблужденіяхъ, кроме евіонитовъ, заблужденіяхъ, противъ которыхъ равнымъ образомъ возвставали эти посланія въ своей догматической части; потому что уже ко времени Игнатія ереси очень умножились. Между тѣмъ какъ евіониты старались уничтожить божественность Іисуса Христа, совершенно неожиданно поднялась другая, совершенно противоположная доктрина. Съ одной стороны отвергали божественность Спасителя; съ другой—отвергали Его человѣчество, такъ что было какъ бы два противоположныхъ течевія, которые равно угрожали церкви. Но таково свойство духа человѣческаго —вращаться всегда между двумя

крайностями, которые равномѣрно удаляются отъ истины. Ереси едва берутъ свое начало, какъ уже теряются въ самыхъ сгущенныхъ противорѣчіяхъ. Совершенно различные виданія управляютъ двумя системами, о которыхъ мы говоримъ: между тѣмъ какъ юдейскіе предразсудки вызвали заблужденіе евіонитовъ, платоническія теоріи и религіозная теософія Востока, тогда очень распространенная въ Малой Азіи, дала начало доктринаамъ докетовъ и гностиковъ. Всѣдѣ за своими учительями еретики Симонъ Волхвъ и Менандръ, рѣшились смотрѣть на тѣло Христа, какъ на призракъ, не имѣвшій дѣйствительной жизни. Въ ошибочномъ убѣжденіи, что матерія есть сѣдилище зла, они не могли понять, чтобы Божественная природа могла соединиться съ нею и облечься въ человѣческую природу съ ея слабостями. Такимъ образомъ въ ихъ глазахъ страданіе, униженіе и смерть Сына Божія были только призракомъ. Гностики въ системѣ, вообще усвоенной ими, помѣстили между Высочайшимъ существомъ и вѣчной матеріей, жилищемъ и источникомъ зла, эоновъ — родъ духовъ, изтекшихъ изъ Бога, изъ которыхъ одинъ сотворилъ миръ. Они допускали откровеніе верховнаго существа чрезъ посредничество Иисуса Христа, какъ одного изъ подчиненныхъ эоновъ. Гностицизмъ принялъ разнообразныя формы. Онъ приоравливался весьма часто въ реалигіознымъ и философическимъ идеямъ, которые господствовали въ разныхъ странахъ, гдѣ онъ распространялся. Изъ послѣдователей его во второмъ вѣкѣ, когда онъ принимаетъ решительный характеръ и приобрѣтаетъ чрезвычайную силу, одни примкнули къ теологическимъ умозрѣніямъ Симона Волхва или Менандра, другіе основались на доктринахъ Александрийца Филона.

Межу гностицизмомъ и докетизмомъ весьма много точекъ соприкосновенія. Можно почти навѣрное сказать, что докетизмъ былъ только одною изъ формъ, принятыхъ гностицизмомъ, распространившимся въ Сиріи. Но даже изъ того краткаго изложенія, какое мы сдѣлали, можно видѣть, какъ противоположны были двѣ секты евіонитовъ и гностиковъ. Однако нашелся человѣкъ, который надѣялся примирить ихъ: это былъ еретикъ Керинфъ. Онъ пытался связать эти системы и изъ этой чудовищной смѣси родилась третья секта, которая присоединила къ грубымъ заблужденіямъ безстыдство, которое низводило ее еще на болѣе низкую ступень. Вотъ противъ какихъ противниковъ Игнатій долженъ былъ защищать истинное учение Христа и вотъ также противъ какихъ опасностей долженъ былъ предохранять церкви, къ которымъ адресовалъ свои посланія.

Великій епископъ опровергаетъ ереси, съ тою достовѣрностію учения и съ тою твердостію языка, какія свойственны только истинѣ. Евіониты, также какъ докеты и гностики, также какъ послѣдующія ереси, находятъ свое осужденіе въ этихъ дивныхъ посланіяхъ, гдѣ изложены сокращенно всѣ главные члены христіанскаго богословія. Противъ евіониговъ, Игнатій въ своемъ посланіи къ магнезіанамъ утверждаетъ, что недѣло призывать Іисуса Христа, а жить по іудейски, что не христіанство увѣровало въ іудейство, но іудейство во христіанство, въ которомъ соединились всѣ народы, увѣровавшіе въ Бога. Сдѣлавшись учениками христіанства, говорить онъ имъ, научимся жить по христіански; ибо кто называется другимъ, а не этимъ именемъ, тотъ не Божій.

Съ неменьшей силой онъ настаиваетъ на соедине-

ніп въ лицѣ Слова двухъ природъ, Божественной и че-
ловѣческой, и дѣляетъ это особенно въ посланіи къ
Ефесіямъ, въ этихъ прекрасныхъ выраженіяхъ, кото-
рыхъ мы не можемъ не привести здѣсь: „есть только
одинъ врачъ, тѣлесный и духовный, рожденный и не-
рожденный Богъ во плоти, въ смерти истинная жизнь,
отъ Маріи и отъ Бога, сперва подверженный, а потомъ
неподверженный страданію, Господь нашъ Іисусъ Хри-
стосъ“. Равнымъ образомъ онъ повторяетъ посланіе къ
Тралліанамъ, что Іисусъ Христосъ истинно родился, что
Онъ истинно совершаѣтъ отправленія человѣческой жизни,
истинно было осужденъ при Понтійскомъ Пилатѣ, истин-
но былъ распятъ и истинно умеръ въ виду пебесныхъ
земныхъ и преисподнихъ, истинно возсталъ изъ гроба,
когда Его воскресилъ Отецъ Его, Который подобнымъ
образомъ воскреситъ и насть, вѣрующіхъ въ Него. А
если иные, продолжаетъ онъ, какъ нѣкоторые безбож-
ники, то есть невѣрующіе, говорять, что Онъ стра-
далъ только призрачно, — сами они призракъ, — то за
чѣмъ же я въ узахъ? За чѣмъ я пламенно желаю бо-
роться со звѣрями? Значить я напрасно умираю? Зна-
чить, я говорю ложь о Господѣ? И такъ убѣгайте азыхъ
произрастеній, приносящихъ смертоносный плодъ: кто
вкусить отъ него, тотъ немедленно умираетъ. Ибо ере-
тики не насажденіе Отца“. Это же составляеть пред-
метъ его посланія къ Смирнянамъ, посланія, въ кото-
ромъ онъ энергически возстаєтъ противъ тѣхъ невѣр-
ныхъ съ испорченными нравами, которые воздержива-
лись отъ евхаристії и молитвы, потому что не хотѣли
признать, что евхаристія есть плоть нашего Спасите-
ля, пострадавшая за наши грѣхи, но которую Отецъ
воскресилъ по Своей благости. Такимъ образомъ, отме-

тая даръ Божій, они умираютъ въ своихъ преніяхъ. Имъ надлежало бы держаться любви, чтобы воскреснуть. Посему надобно удаляться такихъ людей и ни наединѣ, ни въ собраніи не говорить о нихъ, и внимать проповѣдямъ, особенно же Евангелію, въ которомъ открыто намъ страданіе Христа и совершило ясно Его воскресеніе⁴.

Однимъ словомъ во всѣхъ этихъ посланіяхъ святый Игнатій дасть ясное свидѣтельство о Божествѣ Іисуса Христа, Его вѣчномъ рождениіи, Его сосуществованіи съ Отцемъ прежде всѣхъ вѣковъ. Такимъ образомъ съ самаго начала былъ опредѣленный символъ, общій для всѣхъ вѣриыхъ, въ которомъ не могли ничего ни измѣнить, ни исключить, не переставая принадлежать къ обществу христіанскому. Изъ этого видно, какъ заблуждаются тѣ, которые смотрятъ на ученіе, содержимое въ настоящее время церковію, какъ на несообразное съ вѣрою первыхъ вѣковъ. Исторія открыто осуждаетъ всякую попытку разорвать связь церковнаго ученія съ ученіемъ Христа и апостоловъ. Пусть читаютъ Варнаву и Игнатія, чтобы убѣдиться, какія были вѣрованія первого вѣка, какія начала положены были апостолами вслѣдъ за Христомъ и усвоены церковію съ ея, можно сказать, первого дыханія. Легко, безъ сомнѣнія, основываясь на догадкахъ и произвольныхъ толкова-ніяхъ, создать между церковію и христіанствомъ оппо-зицію, болѣе или менѣе радикальную, легко представить ихъ двумя различными учрежденіями, изъ кото-рыхъ одно будто бы восходитъ только ко второму или третьему вѣку; но какъ согласить эту систему съ сви-дѣтельствами, которыхъ мы привели и изъ которыхъ мы убѣждаемся, съ крайнею очевидностію, что единство ученія господствовало въ церкви съ самаго ея начала.

И гдѣ найти, кромѣ того, такія вѣрныя доказательства, чтобы утверждать, какъ это дѣлаютъ, что въ первомъ вѣкѣ были только церкви, а не церковь, и что раздѣленіе было уже между апостолами, точно также, какъ между ихъ непосредственными преемниками. Пусть они лучше посмотрятъ въ писанія отцовъ апостольскихъ и удостовѣрятся, что церковь, всегда вѣрная самой себѣ, только въ единствѣ могла найти основу своей силы и тайну своего преуспѣянія.

III.

Кто убѣжденъ, что церковь, въ продолженіи цѣлаго ряда вѣковъ, не измѣнила своимъ началамъ, тотъ долженъ инстинктивно прийти къ тому, чтобы предположить бытіе учительнаго авторитета, поставленнаго для того, чтобы удерживать вѣрующіхъ въ неуклонномъ единеніи и согласіи съ однимъ общимъ символомъ. Никогда не понять дивнаго согласія между церковнымъ ученіемъ первыхъ вѣковъ съ ученіемъ, которое церковь преподаетъ теперь, если не допустить правила вѣры, назначеннаго предохранять вѣрныхъ отъ раскола и ереси; иначе надо предположить, что вѣвъ всѣхъ условій человѣческихъ и по непрестанному чуду Самъ Богъ взялъ на Себя заботу сохранять въ продолженіи девятнадцати вѣковъ цѣльность своего ученія. Но это значить оставлять чудо, чтобы найти его оиять. Стоитъ хотя мало подумать объ этомъ серьезно и безпристрастно, чтобы не допустить, даже независимо отъ всякихъ доказательствъ, что Іисусъ Христосъ имѣлъ намѣреніе оставить на произволъ личнаго разума истолкованіе смысла и значенія откровенныхъ истинъ. Въ самомъ

дѣлъ какъ допустить, чтобы тогъ же разумъ, котораго нельзя постановить безусловнымъ судьею ученія Христа, былъ поставленъ его хранителемъ? Что стало бы съ нравственнымъ религіознымъ единствомъ, которое христианство возстановило въ родѣ человѣческомъ, если бы самое начало этого единства, Вселенскій символъ, имѣло единственнымъ хранителемъ личный разумъ, вѣчный источникъ раздѣленія? Вообразимъ, что въ первое время христианства каждый вѣрующій имѣлъ способность толковать писанія и исполнять по своему усмотрѣнію Евангельскія заповѣди: вообразимъ, что онъ въ дѣлѣ вѣры не признавалъ опредѣленій никакого авторитета. Чѣмъ произойдетъ? Каждый пастырь будетъ имѣть свою систему, каждый вѣрующій свою, потому одному, что каждый пастырь и каждый вѣрующій имѣютъ свой разумъ, подлежацій различнымъ віяніямъ, вращающейся въ противоположныхъ родахъ, и развившій свой особенный складъ понятій. Отсюда Евопиты и Гностики, Докеты и Керпионе. Кто виноватъ? Кто осудить однихъ и оправдать другихъ? Кто противоставить свой разумъ ихъ разуму? Кто уступить другому, что онъ лучше понимаетъ писанія, что онъ лучше вдохновенъ Духомъ Святымъ? Кто осмѣлитъ сказатъ: повѣрьте этому и бросьте это, здѣсь заблужденіе, тамъ истина? Никто. И вотъ мы изнапади въ хаосъ системъ, противоположныхъ вѣрованій и мнѣній, хаосъ очень похожій на тотъ, въ которомъ находится въ послѣднее время языческій міръ. Что останется тогда изъ ученія Христа? Ничего, или очень мало. Оно будетъ обезображенъ, сглажено; о единствѣ нечего и думать. И это прекрасное слово св. Павла: *одинъ Господь, одна вѣра и одно крещеніе* — сдѣлается одною изъ самыхъ горькихъ настѣнекъ.

Но къ чему вдаваться въ произвольныя гипотезы? Исторія, очевидные факты, неоспоримые памятники доказываютъ намъ существованіе съ первыхъ вѣковъ учительного авторитета въ церкви. Таково наставленіе, которое мы можемъ извлечь изъ посланій святаго Игната. Что говоритъ, въ самомъ дѣлѣ, этотъ апостольскій отецъ Ефесянамъ, Тралліанамъ, Смирянамъ, напоминая имъ о самыхъ основаніяхъ вѣры? Онъ показываетъ имъ законъ, которому они должны подчиняться, чтобы сохранить эту вѣру и въ то же время предохранить себя отъ раскола и ереси. — „Какъ любовь не позволяетъ мнѣ молчать въ отношеніи къ вамъ, пишеть онъ къ Ефесянамъ, то я и рѣшился убѣждать васъ, чтобъ вы сходились съ мыслю Божію: ибо и Іисусъ Христосъ, общая наша жизнь, есть мысль Отца, какъ и епископы, поставленные по концамъ земли, находятся въ мысли Іисуса Христа“. Какъ Господь безъ Отца, по своему единству съ Нимъ, ничего не дѣлать ни Самъ собою, ни чрезъ Апостоловъ: такъ и вы ничего не дѣлайте безъ епископа и пресвитеровъ. Не думайте, чтобы вышло что либо похвальное у васъ если будете дѣлать это сами по себѣ; но въ общемъ собраніи да будетъ у васъ одна молитва, одно прощеніе, одинъ умъ, одна надежда въ любви и радости непорочной“. (Къ Магнезіанамъ).---„Когда вы повинуетесь епископу (къ Тралліанамъ), какъ Іисусу Христу, тогда, мнѣ кажется вы живете не по человѣческому обычая, а по образу Іисуса Христа, Который умеръ за васъ, чтобы вы, увѣровавъ въ смерть Его, избѣгали смерти. Посему необходимо, какъ вы и поступаете, ничего не дѣлать безъ епископа. Повинуйтесь также и пресвитерству, какъ Апостоламъ Іисуса Христа — надежды нашей, въ

которой дай Богъ жить намъ. И діаконамъ, служителямъ Тайнствъ Іисуса Христа, всѣ должны всячески уго-ждать, ибо они не служители яствъ и питей, но слуги Церкви Божіей. Всѣ почитайте діаконовъ, какъ запо-вѣдь Іисуса Христа, а епископа, какъ Іисуса Христа, Сына Отца, пресвитеровъ же, какъ Собраніе Божіе, какъ сонмъ Апостоловъ. Безъ нихъ нѣтъ церкви“.

— Только та Евхаристія должна почитаться истинною — (къ Смирнинамъ) — которая совершается епископомъ или тѣмъ, кому онъ самъ предоставитъ это. Гдѣ будеть епископъ, тамъ долженъ быть и народъ, такъ же какъ гдѣ Іисусъ Христосъ, тамъ и каѳолическая церковь. Непозволительно безъ епископа ни крестить, ни совер-шать вечерю любви; напротивъ что одобрить онъ, то и Богу пріятно“.

Нельзя услышать ничего болѣе выразительного и точнаго о природѣ авторитета, существовавшаго съ са-маго начала христіанства. Между тѣмъ послушаемъ, что говоритъ еще епископъ римскій, третій въ поряд-кѣ епископовъ римскихъ святой Климентъ, чтобы видѣть, какъ учителльный авторитетъ церкви сохранялъ единство. Церковные историки тюбингенской школы считаютъ себя въ состояніи доказать, что существен-ная форма церкви не происходитъ ни отъ Христа, ни отъ апостоловъ, но, что учрежденіе, которое мы въ ней видимъ, организовалось только въ теченіи втораго вѣка и притомъ совершенно произвольно. Они пола-гаютъ, что могутъ доказать это, не заботясь о томъ, согласно это или нѣтъ съ первоначальными памятни-ками христіанства. Если же они видятъ, что нельзя умоачать о томъ или другомъ досадномъ авторѣ пер-ваго и втораго вѣка или какомъ либо мѣстѣ ихъ тво-

реній, то безъ застѣнчивости заподозриваютъ подлинность ихъ твореній или отдаляютъ на нѣсколько сотъ лѣтъ эпоху ихъ составленія. Такимъ образомъ, преперегая самыми очевидными памятниками, самыми уважаемыми преданіями, они теряются въ пустыхъ теоріяхъ о первоначальномъ устройствѣ церкви. То они полагаютъ, что рядомъ съ первоначальною церковью, о бокъ съ нею росли самыя разнообразные элементы, между тѣмъ какъ сама она не имѣла опредѣленной формы; то упорно доказываютъ, что въ первомъ вѣкѣ вѣрующіе находились въ полномъ равенствѣ, не имѣя среди себя пастырскаго авторитета; то полагаютъ, что различные христіанскія общины управлялись въ себѣ началь сословіемъ священниковъ, изъ которыхъ каждый членъ владѣлъ равнымъ авторитетомъ. Высказывая такія различныя мнѣнія, ставя такія смѣлые утвержденія, не подумаютъ о томъ, что въ нѣдрѣ самаго этого учрежденія существуетъ посланіе, относящееся къ первому вѣку, заключающее самыя подробныя наставленія объ устройствѣ церкви: это памятникъ важный тѣмъ болѣе, что многія христіанскія церкви читали его въ воскресные дни въ продолженіи вѣковъ и новѣйшая критика почти единодушно признала его подлинность. Между тѣмъ нельзѧлучше сдѣлать различія между священствомъ и мірянами, какъ это дѣлаетъ святой Климентъ, „первосвященнику, говорить онъ, дано свое служеніе, священникамъ назначено свое дѣло и на левитовъ возложены свои должности; мірской человѣкъ связанъ постановленіями для народа. Каждый изъ васъ благодаря Бога за свое собственное положеніе, храня добрую совѣсть и съ благоговініемъ, не преступая опредѣленного правила служе-

нія своего⁴. Съ неменьшою ясностию онъ показываетъ, что епископство есть лишь преемство апостольское. „Апостолы были посланы проповѣдывать Евангеліе намъ отъ Господа Іисуса Христа, Іисусъ Христосъ отъ Бога. Христосъ былъ посланъ отъ Бога, а апостолы отъ Христа: то и другое было въ порядкѣ по волѣ Божіей. И такъ, принявши повелѣніе, апостолы, совершенно убѣжденные чрезъ воскресеніе Господа нашего Іисуса Христа, и утвержденные въ вѣрѣ словомъ Божіимъ, съ полнотою Духа Святаго пошли благовѣстовать наступающее царствіе Божіе. Проповѣдуя по различнымъ странамъ и городамъ, они первенцевъ изъ вѣрующихъ по духовномъ испытаніи поставляли въ епископы и діаконы для будущихъ вѣрующихъ. И это не новое установлѣніе; ибо много вѣковъ прежде писано было о епископахъ и діаконахъ. Такъ говоритьъ писаніе: поставлю епископовъ ихъ въ правдѣ и діаконовъ въ вѣрѣ (Ісаіи I.X, 17)⁴. Но и этого не довольно. „Апостолы наши знали, что будетъ раздоръ о епископскомъ достоинствѣ. По этой самой причинѣ они, получивши совершенное предвѣдѣніе, поставили вышеозначенныхъ служителей и потомъ присовокупили законъ, чтобы когда они почтють, другіе испытанные мужи принимали на себя ихъ служеніе. Такимъ образомъ духовная сила въ церкви никогда не оскудѣваетъ и единеніе съ первыми ся основателями продолжается безъ ослабленія и безъ перерыва.

И такъ вотъ какое было управлѣніе церкви въ самое первое время христіанскаго общества. Можно судить посль этого, какъ мало состоятельности у тѣхъ историковъ, которые стараются доказать, что въ первое время церкви не было точно опредѣленнаго устрой-

ства, никакой признанной дисциплины и что даже въ то время, когда начинаютъ обнаруживаться извѣстныя учрежденія, невозможно съ точностю опредѣлить, въ чемъ состояли отправленія, присвоенные или принадлежащиа отпмъ учрежденіямъ.

Въ самомъ дѣлѣ трудно сказать, гдѣ могли бы эти писатели заимствовать свое доказательство, чтобы поддержать съ полною достовѣрностю прочаго убѣженія, что въ началѣ церкви не было никакого раздѣленія между церковнымъ правительствомъ и обществомъ вѣрующиихъ. Мы сейчасъ видѣли совершенно точное различіе, которое дѣлаетъ между ними святый Климентъ, и конечно мы не можемъ затрудняться въ выборѣ свидѣтеля, относительно факта современаго святому Клименту, между Геттингенскимъ профессоромъ и этимъ славнымъ ученикомъ апостоловъ. Но, не говоря о свидѣтельствахъ писателя посланій къ Коринѳянамъ, позволительно ли игнорировать тѣ многочисленныя доказательства, которые доставляютъ намъ самыя дѣянія апостоловъ о существованіи съ первыхъ временъ христианства правительственноаго церковнаго авторитета, безусловнаго и совершенно отличнаго отъ общества вѣрующиихъ? Что избрание первыхъ діаконовъ произведено съ народнаго совѣта, это справедливо; но кто поставилъ ихъ? По собственному выражению дѣяній — апостолы. Когда появился протестъ противъ необходимости или бесполезности юдейскихъ обрядовъ для христіанъ, къ кому обращаются за рѣшенiemъ по этому дѣлу? Къ апостоламъ и старцамъ или пресвитерамъ. Доказательства сами собой тѣснятся подъ перо, но мы оставляемъ ихъ. Пусть прочитаютъ Дѣянія Апостоловъ, чтобы убѣдиться, какъ имъ избѣжать прискорбнаго за-

блужденія относительно учрежденія первоначальной церкви. Кажется одно слово апостола Павла могло бы предохранить ихъ отъ этого заблужденія. Въ самомъ дѣлѣ, не говоритъ ли онъ самымъ рѣшительнымъ образомъ, въ своемъ посланіи къ Фессалоникійцамъ: просимъ васъ, братія, уважать трудящихся у васъ и предстоятелей вашихъ въ Господѣ и вразумляющихъ васъ и почитать ихъ преимущественно съ любовію за дѣло ихъ (V, 12, 13). Такимъ образомъ Дѣянія Апостоловъ уже провозглашаютъ существованіе въ церкви этого авторитета, который не распространенъ въ народѣ, но сосредоточенъ изключительно въ сословіи пастырей. Святый Климентъ сообщилъ подробности его организаціи въ посланіи въ Коринѳянамъ. Какого болѣе достовѣрнаго и болѣе авторитетнаго указанія о правленіи первоначальной церкви мы можемъ требовать кромѣ того, которое сообщаетъ намъ этотъ святой отецъ? Гдѣ найти свидѣтельство въ одно и тоже время болѣ ясное, добросовѣстное и почтевное? Невозможно опровергнуть факты, которые оно сообщаетъ, не колебля и не отрицая въ тоже время всей исторической достовѣрности. Кромѣ того нужно замѣтить, что свидѣтельство святаго Климента, столь замѣчательное само по себѣ, подтверждается всѣмъ тѣмъ, что сообщаетъ намъ гражданская исторія о первыхъ вѣкахъ. Въ самомъ дѣлѣ мы не имѣемъ недостатка въ доказательствахъ того, что, въ продолженіи двухъ первыхъ вѣковъ, епископъ повсюду былъ дѣйствительно главою своей церкви, имѣя въ свое распоряженіи священниковъ, и что вся христіанская церкви имѣли однообразную организацію. Но можно судить, когда дѣло идетъ о подобныхъ фактахъ, много ли значать отрывочные данные общей исторіи, сравни-

тельно съ такими точными наставлениями, какія мы находимъ въ писаніяхъ апостольскихъ мужей? Поэтому можно опредѣлить, какого они достоинства и въ какой степени справедливо и благоразумно брать отцевъ апостольскихъ за руководителей въ изученіи начала христіанства. Съ св. Варнавою и св. Игнатиемъ, мы показали, какое было ученіе, исповѣдуемое церковію въ первомъ вѣкѣ. Съ святымъ Климентомъ и св. Игнатиемъ мы видѣли организацію церкви, устроенной по плану Самаго Иисуса Христа, и главныя черты ея первоначального учрежденія.

Одни изъ этихъ отцовъ показали памъ торжество христіанскихъ идей въ единствѣ ученія, другіе въ единствѣ управления; всѣ вмѣстѣ они убѣждаютъ насъ въ истинѣ того великаго факта, такъ часто оспариваемаго и столь важнаго, что необходимыя условія непрерывности вѣры были въ началѣ церкви безусловно тѣ же, что и въ настоящее время.

(Окончанів будеть).

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Дмитрий Юрьевич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

**На сайте академии
www.spbda.ru**

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки